

Китанина Элла Анатольевна

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры «Документоведение
и языковая коммуникация»
Донского государственного
технического университета

Kitanina Ella Anatolievna

D.Phil. in Philology, Professor,
Document Science
and Linguistic Communication Department,
Don State Technical University

Былкова Светлана Викторовна

кандидат филологических наук,
и. о. заведующего кафедрой «Документоведение
и языковая коммуникация»
Донского государственного
технического университета

Bylkova Svetlana Viktorovna

PhD in Philology,
Acting Head of Document Science
and Linguistic Communication Department,
Don State Technical University

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «ОЦЕНОЧНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ОППОЗИЦИОННОЙ ПРЕССЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

PRAGMATIC POTENTIAL OF THE 'ASSESSMENT REVOLUTION' IN THE OPPOSITIONAL PRESS: SOCIAL ASPECT

Аннотация:

В статье рассматриваются трансформации мелиоративных и пейоративных коннотаций в период смены исторической эпохи. Анализируется особая роль заимствованных слов в «оценочной революции». Большое внимание уделяется социальному статусу реабилитированных в постперестроечный период, заимствованной, чужеродной лексики и ее влиянию на язык разных социальных страт общества.

Ключевые слова:

социум, социальная среда, социальная ценность, социальное равенство, аксиологические свойства, сочетаемость, положительные коннотации, актуализация слов, «оценочная революция».

Summary:

The article deals with transformation of ameliorative and pejorative connotations during the change of historical era. Special role of loanwords in the assessment revolution is analyzed. The author discusses the social status of the rehabilitated during the post-perestroika period, borrowed, alien lexicon and its influence on language of various social strata of the society.

Keywords:

society, social environment, social value, social equality, axiological properties, compatibility, positive connotation, updating of words, assessment revolution.

После революции 1917 г. поменялся прагматический компонент содержания многих слов, особенно галлицизмов, описывающих дворянскую повседневную жизнь, нравы. Такие слова превратились в прагмемы, т. е. лексемы с устойчивыми, закрепленными прагматическими характеристиками, имеющими непосредственное отношение к содержанию сообщения или адресату. «...Многие прагматические функции отличаются устойчивостью и подчиняют себе значительное количество лексических единиц» [1, с. 135]. Основой подобных прагматических характеристик стало встроенное отрицание, отчуждение. Общество всегда быстро реагирует на экономические, политические и другие перемены, ведь многие прагматические функции социологом отличаются устойчивостью и подчиняют себе значительное количество языковых единиц. Изучение истории данных функций, сменяющихся через десятилетия или даже столетия, дает информацию о мировоззрении эпохи.

В современном научном дискурсе описана сущность прагматического компонента в содержании таких языковых единиц, как прагмемы советской эпохи, хотя совсем недавно они были в поле социального внимания, но теперь находятся на периферии [2, с. 48–69]. В то же время на стыке социологии, политологии и лингвистики нельзя не отметить такое явление, как политкорректность, пришедшее к нам из США и не спешащее занять значимое место в социолингвокультурном пространстве ввиду разной ментальности социальных слоев современного общества. «Оценочная революция» отразилась в оценочности и идеологизации многих слов: в течение очень короткого времени (одно-два поколения [3]) дважды сменили прагматическое звучание такие слова, как *бизнес, карьера, буржуазия, капитализм*. Это, бесспорно, самый яркий пласт социально маркированной лексики.

Вернулись с периферии общественного сознания слова типа *журфикс, гувернантка, бомонд, рантье, казино, крупье* и многие другие. Данная лексика, ранее идеологически враждебная, стала коммуникативно актуальной и употребительной в нейтральных и положительных кон-

текстах [4, с. 147–148]. Ср. активизацию слова *рантье*: «Посчитав, что оснований для таких позорений достаточно, *рантье* обратился в полицию» (газета «Правда». 2016. 19–22 февр.). «Сильнее всего в финансовом плане в прошлом году пострадали семьи, относящиеся к категории *рантье*, т. е. получающие пассивный доход от каких-либо активов и не участвующие в управлении ими» (журнал «Кредитная линия». 2016. Июль).

Оценка, связанная с этим словом, меняется от нейтральной, нулевой до мелиоративной: в систему новых отношений таким образом невольно вовлечены и социально незащищенные слои общества. Однако у слова *рантье* совсем недавно снова появился негативный смысл. Ср.: «Ни нашу страну, ни ее граждан абсолютно не устраивает, когда ассортимент и цена рыбы на внутреннем рынке определяются зарубежными поставщиками и ретейлерами, когда в рыбной отрасли расплодилось разного рода *рантье*, использующие наши биоресурсы», – заявил президент России. «Еще одна проблема – это неизжитая система *рантье*, когда выделенная квота, не освоенная собственными предприятиями, передается другим рыбакам» (журнал Retail & Loyalty. 2015. 20 окт.).

Изменились прагматические характеристики слова *патриот*. Радиостанция «Комсомольская правда» в эфире поставила вопрос: «Почему слово "патриот" стало в России ругательным?» Ср.: «...Интеллигенция отчасти с такой ехидцей произносит "вау, патриоты!.." Вы знаете, я даже заметил, что у нас появились какие-то "хорошие" и "плохие" патриоты и в общем-то патриотизм начал приобретать такую "радужную", извините, окраску» (радио «КП», прямой эфир. 2016. 20 дек.). Здесь нужно отметить иронию и даже некий сарказм в адрес слова *патриот*. Далее: «...Ну и насчет патриотов, Виктор, извини, я все-таки всунусь... Есть такая расхожая фраза, на которую опираются наши "интеллектуальные светочи": "Патриотизм – это последнее прибежище негодяев"».

Социально вредным заведением считалось *казино*, и такая же характеристика распространялась на *крулье*. Сейчас последняя лексема помечена стрелкой острием вправо, что маркирует лексику, вернувшуюся с периферии социального языкового сознания. Сегодня *крулье* – это обычная профессия, лексема *крулье* частотно нагружена. Ср.: «Профессия *крулье* со стороны выглядит очень экзотично. *Крулье* или дилер – это человек, который ведет игру в *казино*» (журнал News Gambling. 2016. 5 янв.). Интересно, что в современных социальных стратах вокруг слова *казино* установилась система разных коннотаций. Прагматические значения сильно варьируют. Ср.: «После запрета *казино* и игровых клубов хозяева игорного бизнеса мгновенно сориентировались и успешно освоились в новом юридическом пространстве, переделав игорные залы в так называемые лотерейные клубы» (журнал «Вестник игорного бизнеса». 2016. 2 нояб.).

Примером «перенесения номинаций из чужой лингвистической среды на русскую почву» [5] может быть востребованное в наши дни слово *пресс-атташе*. «Я бы не сказал, что так часто общаюсь с прессой, поэтому усталости от журналистов не ощущаю. Наверное, это больше комплимент в адрес нашего *пресс-атташе* Вики» (журнал Rolling Stone. 2016. 5 марта).

Социально маркировано слово *буржуй*, которое несколько раз меняло коннотации. Ср.: «...Больше личной прибыли, которая и составляет смысл жизни *буржуев*»; «...Зарубежные *буржуи* такое зерно и даром не возьмут, а наш народ неприхотливый – все съест» (газета «Советская Россия». 2016. 9 авг.). *Буржуй* используется как своеобразный стереотип, узнаваемый символический образ, прагмема с пейоративной коннотацией.

Рассмотрим еще один яркий пример актуализации когда-то архаичного слова, обозначающего социально чуждое, «буржуазное» явление, – *бомонд* – собирательное существительное со значением «высшее общество», «сливки общества». В толкованиях данного слова всегда присутствовало определение «утонченное» или «знатное» общество, что вполне соответствовало французскому beau monde – высший свет, высшие аристократические круги. В социуме, объявившем социальное равенство, эта лексема, естественно, оказалась на периферии, стала неактуальной в активном словоупотреблении. Например, сегодня основной сферой ее бытования является все-таки не разговорная речь, а язык СМИ. Аксиологические свойства рассматриваемого слова в современном языке оказались чрезвычайно размытыми (оно может передавать как мелиоративные коннотации, так и пейоративные, которые в большинстве случаев задаются контекстом). Ср.: «Путин открыл памятник князю Владимиру: пришел весь российский *бомонд*» (mk.ru. 2016. 4 нояб.; автор Г. Черкасов). «Впрочем, для столичного *бомонда* это не новость. "Светская львица" регулярно выкладывает в соцсети то фото новой сумочки ценой в несколько миллионов рублей, то украшение с бриллиантом величиной с орех» (газета «Аргументы и факты». 2016. 30 марта).

В отличие от общества сословного в современном социуме существует множество «элит»: интеллектуальная, финансовая, артистическая, политическая и т. д. В иерархическом обществе высокое социальное положение предполагает и высокое культурное положение, т. е. представители элиты выступают носителями образцового поведения, эталонного образа жизни, особого языка и т. д. Ни одна из современных российских элит не может объединить в себе все эти свойства, поэтому вернувшееся с периферии в активное употребление слово *бомонд* стало обозначать не «знатное» или «аристократическое общество», оно трактуется более широко и неопределенно.

Бомонд сейчас – не аристократическое, а «высшее» общество. Одно из самых частотных – употребление с обычным прилагательным – *политический бомонд* – или с аналитприлагательным *полит* – *политбомонд*. Ср.: «...Когда Украину и Россию разделили границы, а наиболее радикальный украинский *политбомонд* стал русофобствующим, стал лепить из России образ врага...» (литературно-исторический журнал «Великороссь», 2016. Февр.). «Индейцы не против ковбоев: калининградский интерьерный *бомонд* шумно отпраздновал начало "Недели дизайна"» (klops.ru. 2016. 24 сент.).

Слово *бомонд* активно используется как социально маркировочное концептуальное обозначение, при этом неизбежно актуализируются семы «высший», «элитный» и активно реализуется оценочная прагматика, доступная кругу «посвященных». Одновременно в языке массмедиа все более частотным и, как правило, заменяющим лексему *бомонд* становится слово *элита*. Ср.: «В бюрократических верхах тоже возник дефицит ресурсов, и драка "элит" из-за них идет нештучная...» (газета «Советская Россия». 2016. 9 авг.).

Актуализировались разные социально маркированные заимствования из числа «старых», давно освоенных русским языком: *фракция, харизма, олигарх, лобби, лоббист, федерация, регион, сенатор, легитимный, популизм*. Часто в ходе актуализации такие слова-маркеры претерпевают многочисленные изменения: денотативные трансформации, семантические, эмоционально-экспрессивные приращения, меняют (например, обладают способностью делать одну и ту же информацию закрытой для определенных социальных слоев общества) или расширяют синтагматику.

Особенное место занимают идеологемы со смешанным аксиологическим модусом (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*). Ср.: «Те из наших сограждан, кто в сознательном возрасте пережил крупнейшую геополитическую катастрофу XX в. – распад Советского Союза, хорошо помнят, как в 1990-е гг. было переосмыслено понятие *патриотизм*. Публично назваться патриотом означало признать себя "совком", врагом *демократии*. Той *демократии*, которая успешно сосуществовала с небывалым размахом разворовывания страны и пышным расцветом криминалитета. Однако время все расставило на свои места. И в начале этого года на традиционной встрече с отечественными бизнесменами, а точнее – с активом "Клуба лидеров по продвижению инициатив бизнеса", президент В.В. Путин заявил, что именно *патриотизм* является национальной идеей России. "У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи кроме патриотизма", – сказал глава государства» (Интерфакс. 2016. Июль).

«Оценочная революция» имеет своим следствием не только утверждение мелиоративных коннотаций у прежде чуждых, враждебных или просто экзотичных слов. И.В. Федосеева совершенно справедливо утверждает, что слова *приватизация, реформа, демократия, ваучер* в постперестроечный период быстро поменяли положительные семы на отрицательные [6, с. 15]. В частности, лексема *реформатор* вообще выступает как инвектива. Это характерно не только для левоцентристского оппозиционного дискурса. Как отмечает И.Р. Красникова [7, с. 106], прагматика таких структурных переделок становится особенно рельефной: снижение социальной ценности из-за резко негативного отношения к объекту.

Если сегодня носитель языка замыслит употребить некоторые слова с пафосом, то это будет антинорма, ошибка. Данные лексемы стали «элементами фондового комизма», «системными экспрессемами». Прагматические значения новых и новых социологем и идеологем в современном русском языке – это явление языковой действительности, которое позволяет наиболее полно понять всю глубину социальных изменений.

Ссылки и примечания:

1. Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке. Ростов н/Д., 2005. 360 с.
2. Малащенко М.В. Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д., 2003. 312 с.
3. «Под поколением мы понимаем группу людей, рожденных в определенный возрастной период, испытавших влияние одних и тех же событий и особенностей воспитания, имеющих похожие ценности, которые порой мы не замечаем». Былкова С.В., Богуславская В.В. Образ поколения 50+ в российских средствах массовых коммуникаций: вчера и сегодня // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы V Всероссийской научно-практической конференции / сост. М.Ю. Ульянова, М.А. Сидоренко, Г.Н. Трофимова ; под ред. В.В. Барабаша. М., 2014. С. 226–234.
4. Крысин Л.П. Иноязычное слово в современной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 142–161.
5. Складневская Г.Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. М., 1991. Ч. 1.
6. Федосеева И.В. Социолингвистические и культурологические аспекты процесса заимствования в российском политическом социолекте 90-х гг. XX – начала XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 88 с.
7. Красникова И.Р. Прагматика окказиональных антрополоксем в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2004. 154 с.

References:

- Bylkova, SV & Boguslavskaya, VV, Ulyanova, MYu, Sidorenko, MA, Trofimova; GN (comps.) & Barabash, VV (ed.) 2014, 'The image of the 50+ generation in Russian mass media: yesterday and today', *Sredstva massovoy kommunikatsii v mnogopol'yarnom mire: problemy i perspektivy : materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 226-234, (in Russian).
- Fedoseeva, IV 2003, *Sociolinguistic and culturological aspects of the borrowing process in the Russian political sociolect of the 1990s – early XXI century*, PhD in Linguistics thesis abstract, Stavropol, 88 p., (in Russian).
- Kitanina, EA 2005, *Pragmatics of a foreign word in the Russian language*, Rostov-on-Don, 360 p., (in Russian).
- Krasnikova, IR 2004, *The pragmatics of occasional anthropolexemes in the modern Russian language*, PhD in Linguistics thesis, Rostov-on-Don, 154 p., (in Russian).
- Krysin, LP 1996, 'Foreign word in modern life', *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)*, Moscow, pp. 142-161, (in Russian).
- Malashchenko, MV 2003, *The name in the paradigms of Linguopragmatics*, Rostov-on-Don, 312 p., (in Russian).
- Sklyarevskaya, GN 1991, 'The state of the modern Russian language. The lexicographer's view', *Russkiy yazyk i sovremen-nost'. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki*, Moscow, Part 1, Moscow, (in Russian).